

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ РАДИЩЕВЪ.

р. 1749 † 1802.

Письмо къ другу, жителствующему въ Tobольскѣ, по долгу званія (своего*).

С.-Петербургъ, 8 августа 1782 года.

Вчера происходило здѣсь съ великолѣпнѣмъ посвященіе монумента, Петру Первому въ честь воздвигнутаго, то есть, открытіе его статуи, работы г. Фальконета. Любезный другъ, побесѣдуемъ о семъ въ отсутствіи. Пребывая въ отдаленномъ отечества нашего краю, отлученный отъ твоихъ ближнихъ, среди людей, неизвѣстныхъ тебѣ ни со стороны качествъ разума и сердца, не нашедъ еще можетъ быть въ краткое время твоего пребыванія не токмо друга, но ниже пріятеля, съ коимъ-бы ты могъ сѣтовать во дни печали и скорби и радоваться въ часы веселія и утѣхъ, ибо печаль и скорбь исчисляются днями и годами, веселіе часами, утѣхи же мгновеніемъ. Ты охотно, думаю, употребишь часъ хотя единый отдохновенія твоего на бесѣдованіе съ дѣлившимъ нѣкогда съ тобою горестъ и радовавшимся о твоей радости, съ кѣмъ ты юношескіе провелъ дни свои.

Вокругъ мѣста, гдѣ сооружался сокровенно чрезъ 15-ть лѣтъ образъ изваянный императора Петра, воздвигнута была рисованная на полотнѣ заслона; а хоромина, бывшая надъ нимъ, непримѣтно сломана и мѣсто вокругъ все очищено.

Въ день назначенный для торжества, во второмъ уже часу попо-

*) Письмо это издано Радищевымъ въ 1789-мъ году особою брошюрою, въ маленькую осьмушку, стр. 8. Книжечка отпечатана въ Спб., какъ пробный оттискъ въ типографіи, заведенной Радищевымъ, и составляетъ величайшую библиографическую рѣдкость. Она имѣется въ библиотекѣ нашего сотрудника, извѣстнаго библиографа П. А. Ефремова, которому мы и обязаны сообщеніемъ ея на страницахъ «Русской Старины».

Ред.

лудни, толпы народа стекались къ тому мѣсту, гдѣ зрѣть желали лице обновителя своего и просвѣтителя. Полки гвардіи преображенскій и семеновскій, бывшіе нѣкогда сотоварищи опасностей Петровыхъ и его побѣдъ, также и другіе полки гвардіи, тутъ бывшіе подъ предводительствомъ начальниковъ своихъ, окружили мѣста позорища, артиллерія, кирасирскій новотроицкій полкъ и кievской пѣхотной заняли мѣста на близъ лежащихъ улицахъ. Все было готово; тысячи зрителей на сдѣланныхъ для того возвышеніяхъ и толпа народа, разсѣяннаго по всѣмъ близъ лежащимъ мѣстамъ и кровлямъ, ожидали съ нетерпѣніемъ зрѣти образъ того, котораго предки ихъ въ живыхъ ненавидѣли, а по смерти оплакивали. Истинно-бо есть и непреложно: достоинство заслуги и добродѣтель привлекають ненависть нерѣдко и самихъ тѣхъ, кои причины не имѣють ихъ ненавидѣть; когда же вина и предлогъ ненависти исчезаетъ, то и она не отрицаетъ имъ должнаго и слава великаго мужа утверждается по смерти. Сооружившая монументъ славы Петра, императрица Екатерина, съѣвъ на суда у лѣтнаго своего дома, прибыла къ пристани; вышедъ на берегъ, шествовала на уготованное при сенатѣ ей мѣсто, между строевцевъ своихъ. Едва вступить она успѣла на оное, какъ бывшая вкругъ статуи заслона, помалу и непримѣтно какъ, опустилася. И се явился паки взорамъ нашимъ сѣдѣющъ на конѣ борзомъ, въ древней отцовъ своихъ одеждѣ, мужъ, основаніе града сего положившій и первый, который на невскихъ и финскихъ водахъ воздвигъ россійскій флагъ, доселѣ не существовавшій. Явился онъ взорамъ любимыхъ чадъ своихъ сто лѣтъ спустя, когда впервые трепещущая его рука, младенцу ему суцу, пріяла скипетръ обширныхъ Россіи, предѣлы коея онъ расширилъ столь славно.

Благословенно да будетъ явленіе твое, речеть преемника престола его и дѣлъ и преклоняетъ главу. Всѣ слѣдуютъ ея примѣру. И се, слезы радости орошаютъ ланиты. О, Петръ! — Когда громкія дѣла твои возбуждали удивленіе и почтеніе къ тебѣ, изъ тысячи удивлявшихся великости твоего духа и разума, былъ ли хотя единъ кто отъ чистоты сердца тебя возносилъ. Половина была ласкателей, кои во внутренности своей тебя ненавидѣли и дѣла твои порицали; другіе, объемлемые ужасомъ непредѣльно самодержавныя власти, работливо предъ блескомъ твоея славы, опускали зеницы своихъ очей. Тогда былъ ты живъ, царь всемогущъ. Но днесъ, когда ты ни казнить, ни миловать не можешь, когда ты бездыханенъ, когда ты меньше силенъ, нежели послѣдній изъ твоихъ воиновъ, шестьдесятъ лѣтъ по смерти, хвалы твои суть истинны, благодарность неслетна. Но сколько вратъ болѣе признаніе наше было живѣе и тебя достой-

нѣе, когда бы оно не слѣдовало примѣру твоея преемницы, достойному хотя примѣру, но примѣру того, кто смерть и жизнь миллионъ себѣ подобныхъ въ рукѣ своей имѣеть. Признаніе наше было бы свободнѣе и чинъ открытія изваяннаго твоего образа превратился бы въ чинъ благодарственнаго молебствія, каковое въ радости своей народъ возсылаеть къ предвѣчному Отцу.

Изъ тысящей бывшихъ тутъ зрителей, извѣстныхъ было три челоуѣка, кои Петра I видѣли. Но непримѣтно было, ощутили ли они при явленіи его образа то благоговѣніе, которое ощущаемъ, увидѣвъ мужа славна, намъ извѣстнаго. — Дѣйствіе продолжалось. Пушечная пальба со стоящихъ на рѣкѣ судовъ, съ ерѣпости и адмиралтейства и троекратно бѣглою огонь—возвѣщали отсутственнымъ явленіе образа приведшаго силы пространна Россіи въ дѣйствіе. — Стоявшіе въ строю полки ударили походъ, отдавая честь и съ преклонными знаменами шли мимо подавшаго имъ первый примѣръ слѣпаго повиновенія воинской подчиненности, показывая учредителю своему плоды его трудовъ, при продолжающейся военныхъ судовъ пальбѣ, которые сардамскому плотнику въ честь, украсились многочисленными флагами. Сей день ознаменованъ прощеньемъ разныхъ преступниковъ и медалію, сдѣланною въ честь обновителя Россіи.

Статуя представляетъ мощнаго всадника, на конѣ борзомъ, стремящемся на гору крутую, коея вершины онъ уже достигъ, раздавивъ змѣю, въ пути лежащую и жаломъ своимъ быстрою ристаніе коня и всадника остановить покусившуюся. Узда простая, звѣриная кожа вмѣсто сѣдла, подпругою придерживаемая, суть вся конская сбруя. Всадникъ безъ стремянъ, въ полукафтанѣ, кушакомъ препоясанъ, облеченной баграницею, имѣющъ главу лаврами вѣнчанною и десницу простертую. Изъ сего довольно можешь усмотрѣть мысли изваятеля. Еслибъ ты здѣсь былъ, любезной другъ, если бы ты самъ видѣлъ сей образъ, ты зная и правила искусства, ты упражнялся самъ въ искусствѣ сему обратномъ, ты лучше бы могъ судить о немъ. Но позволю отгадать мнѣ мысли творца образа Петрова. Крутизна горы суть пренятствія, кои Петръ имѣлъ, производя въ дѣйство свои намѣренія; змѣя, въ пути лежащая, коварство и злоба, искавшіе кончины его за введеніе новыхъ нравовъ; древняя одежда, звѣриная кожа и весь простой уборъ коня и всадника суть простыя и грубыя нравы и непросвѣщеніе, кои Петръ нашель въ народѣ, которой онъ преобразовать вознамѣрился; глава, лаврами вѣнчанная, побѣдитель-бо былъ прежде, нежели законодатель; видъ мужественной и мощной и ерѣпость преобразователя; простертая рука, покровительствующая, какъ ее называетъ Дидеро и взоръ веселый суть внутреннее увѣре-

ніе достигшія цѣли, и рука простертая являетъ, что крѣпкій мужъ, преодолевъ всѣ стремленію его противившіеся пороки, покровъ свой даетъ всѣмъ, чадами его называющимся. Вотъ, любезный другъ, слабое изображение того, что, взирая на образъ Петровъ, я чувствую. Прости, буде я ошибаюсь въ моихъ сужденіяхъ о искусствѣ, коего правила мнѣ малоизвѣстны. Надпись сдѣлана на камнѣ самая простая:

Петру Первому Екатерина Вторая, Лѣта 1782-го.

Петръ по общему признанію нареченъ Великимъ, а сенатомъ—отцемъ отечества. Но за что онъ можетъ великимъ назваться? Александръ разоритель полусвѣта названъ великимъ; Константинъ, омытый въ крови сыновней, названъ великимъ; Карлъ первой, возобновитель Римской Имперіи, названъ великимъ; Левъ папа римскій, покровитель наукъ и художествъ, названъ великимъ; Козма Медицисъ герцогъ тосканскій названъ великимъ; Генрихъ, доброй Генрихъ IV, король французскій названъ великимъ; Людвигъ XIV, тщеславный и вычливый Людвигъ, король французскій названъ великимъ; Фридрихъ II король прусскій еще при жизни своей названъ великимъ. Всѣ сіи владѣтели, о множествѣ другихъ не упоминая, коихъ ласкательство великими называетъ, получили сіе названіе для того, что изступили изъ числа людей обыкновенныхъ услугами къ отечеству, хотя великіе имѣли пороки. Частной человѣкъ гораздо скорѣе можетъ получить названіе великаго, отличаясь какой либо добродѣтелию или качествомъ, но правителю народовъ мало, для приобрѣтенія сего лестнаго названія, имѣть добродѣтели или качества частныхъ людей. Предметы надъ коими разумъ и духъ его обращается суть многочисленны. Посредственной царь исполненіемъ одной изъ должностей своего сана, былъ-бы можетъ быть великій мужъ въ частномъ положеніи; но онъ будетъ худой государь, если для одной пренебрежетъ многія добродѣтели. Итакъ, вопреки женеvскому гражданину, познаемъ въ Петрѣ мужа необыкновеннаго, названіе великаго заслужившаго правильно.

И хотя бы Петръ не отличился различными учрежденіями, къ народной пользѣ относящимися, хотя-бы онъ не былъ побѣдитель Карла XII, то могъ бы и для того великимъ назваться, что далъ первый стремленіе столь обширной громадѣ, которая яко первенственное вещество была безъ дѣйствія.—Да не уничижуся въ мысли твоей, любезной другъ, превознося хвалами столь властнаго самодержавца, которой истребилъ послѣдніе признаки дикой вольности своего отечества. Онъ мертвъ, а мертвому льстити невозможно! И я скажу, что могъ бы Петръ славнѣе быть, возносяся самъ и вознося отечество свое, утверждая вольность частную; но если имѣемъ примѣры что

цари оставляли санъ свой, дабы жить въ покоѣ, что происходило не отъ великодушія, но отъ сытости своего сана, то нѣтъ и до скончанія міра примѣра, можетъ быть, не будетъ, что бы царь упустилъ добровольно что ли(бо) изъ своей власти, сѣдай на престолѣ *).

Сообщ. П. А. Шфремовъ.

Ода Платону Зубову вышитая дѣвицами Смольнаго монастыря.

1791 г.

Въ числѣ рѣдкостей, случайно мнѣ попадавшихся, я приобрѣлъ вышитое шелками на бѣломъ атласѣ воспитанницами „Общества благородныхъ дѣвицъ“ (Смольнаго монастыря) привѣтствіе ихъ въ новый годъ, на французскомъ языкѣ, Платону Александровичу Зубову, подъ заглавіемъ:

O d e

A son Excellence

Monseigneur

Platon de Soubow

Le 1 du Janvier 1790.

Вышиты шелками связанныя лентою гвоздика и почка розы.—За симъ слѣдуютъ двѣнадцать стиховъ, которыхъ куплеты отдѣлены искусно вышитыми незабудками.

Présent de la divine Destinée
Espoir de nos souhaits, nouvelle année,
Repends tes dons les plus précieux,
Sois soulageur du pauvre, l'appui du malheureux

Monseigneur! Joye de la patrie,
Pour Vos prospérités notre coeur est attendrie;
Votre clémence nous en est garant,
Quand on pense si bien, on doit vivre long tems!

De vos bienfaits, si chers à notre mémoire
Les siècles d'avenir contempleront la gloire.

Regardez, d'un oeil gracieux
Cet hommage seigneur! de nos ardantes vœux! **)

Сообщ. В. М. Федоровъ.

*) Если бы сіе было писано въ 1790 году, то примѣръ Лудвига XVI дагъ бы сочинителю другія мысли. Примѣчаніе А. Н. Радищева.

**) Переводъ: «Даръ божественной судьбы, надежда нашихъ желаній коши годъ! разсыпь твои драгоценныя дары, будь утѣшитель бѣднаго, опорою страдальцу.

Радость отечества, твое счастье умиляетъ сердце наше, твое благодушіе завѣраетъ насъ, что тотъ, кто такъ хорошо думаетъ, долженъ и жить долго.

Будущіе вѣка созерцатели славы твоихъ благодѣяній, любезныхъ для нашей памяти, взгляните благосклоннымъ взоромъ на это приношеніе нашихъ пламенныхъ желаній!>

В. Ф.

Подлинный экземпляръ этой оды на большомъ кускѣ атласа, весьма хорошо сохранившійся, мы видѣли у В. М. Федорова.

Разсказъ изъ временъ императора Павла.

Бабушка покойной жены моей В. Ф. (рожденной княжны Масальской) Ирина Логиновна Богаевская, супруга бывшего оберъ-секретаря правительствующаго сената и извѣстнаго въ свое время литератора, Ивана Ивановича Богаевского, въ самой старости своей (въ 1830 году) сохраняла еще слѣды необыкновенной красоты, а въ первые годы замужества, по отзыву ея современниковъ, могла считаться одною изъ первыхъ красавицъ въ столицѣ.

Однажды, въ царствованіе императора Павла она ѣхала въ каретѣ навѣстить свою опасно больную пріятельницу, Полуектову, и на дорогѣ неожиданно встрѣтила государя, ѣхавшаго въ сопровожденіи Кутайсова.—По установленному въ то время обычаю, ѣдущіе въ каретахъ должны были останавливаться при встрѣчѣ императора. Слуга, стоящій позади кареты, долженъ былъ немедленно сосочить съ сапоговъ и отпереть дверцу кареты, и кто бы ни ѣхалъ въ ней, и какое бы ни было время, долженъ былъ видти изъ кареты и, сбросивъ съ себя верхнюю одежду, спуститься на подножку для поклона его величеству. Дамы не были освобождены отъ этого, и молодая Богаевская должна была подчиниться уставу. Государь остановился, внимательно посмотрѣлъ на нее, и съ особенною благосклонностію отвѣчалъ на поклонъ ея.—Отъѣхавъ нѣсколько шаговъ, онъ послалъ Кутайсова освѣдомиться о фамиліи повстрѣчавшейся дамы и о мѣстѣ ея жительства. Кутайсовъ стремительно подскакалъ къ стеклу кареты, снова остановилъ ее, и испуганная Богаевская, въ замѣшательствѣ, на вопросъ его промолвила фамилію пріятельницы, къ которой она ѣхала, а на вопросъ о жилищѣ назвавшись ея именемъ, указала и домъ ея. Замѣтивъ испугъ молодой дамы, Кутайсовъ доложилъ и объ этомъ государю, а Богаевская, отложивъ посѣщеніе больной пріятельницы, отправилась прямо домой и рассказала о всемъ мужу.

На другой же день, по повелѣнію государя, Кутайсовъ отправленъ былъ узнать о здоровьи Полуектовой. Каково же было удивленіе его, когда ему отвѣчали, что она скончалась. Это извѣстіе еще болѣе изумило и огорчило государя и Кутайсовъ долженъ былъ нѣсколько разъ повторять ему, что онъ самъ видѣлъ въ домѣ печальныя приготовленія, и что покойная неузнаваема. Это навело императора на размышленія о превратности человѣческой жизни и странной игрѣ случая. Къ счастью, что торопливый Кутайсовъ при освѣдомленіи не пускался въ дальніе распросы, которые легко бы привели къ разгадкѣ неожиданнаго случая. Между тѣмъ Богаевскіе, узнавъ о смерти ихъ пріятельницы и встревоженные отвѣтомъ на освѣдомленіе государя, распорядились закрыть

ставни своего дома и рѣшились немедленно отправиться въ свою деревню, гдѣ прожили два лѣтніе мѣсяца, а возвратясь въ городъ Богаевская еще три мѣсяца никуда не выѣзжала изъ дома, опасаясь послѣдствій своей встрѣчи и остерегалась встрѣтиться снова съ высокимъ цѣнителемъ красоты.

Сообщ. В. М. Федоровъ.

АФИША О КОНЦЕРТѢ.

(1812—1825 гг.)

ЧАСТЬ I.

Вольшая увертюра, пѣтая членами государственнаго совѣта:

«Съ тѣмъ-ли насъ хозяинъ звалъ,
Чтобы мы молчали!»

- Князь Салтыковъ . . . . . „Я вамъ, дѣтушки, помога,
У кого есть денегъ много“.
- Дмитріевъ . . . . . „Я въ пустыню удаляюсь
Отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ“.
- Гурьевъ . . . . . „Голова ты моя головушка“.
- Козодавленъ . . . . . „То теряю, что люблю“.
- Князь Лопухинъ . . . . . „Вотъ и я въ князья попался“.
- Князь Горчаковъ . . . . . „Ахъ талантъ-ли мой талантъ“.
- Кн. Голицынъ . . . . . „Доволенъ я судьбою“.
- Валашовъ . . . . . „Мнѣ моркотно молоденькѣ,
Нигдѣ мѣста не найду!“
- Молчановъ . . . . . „Я золото хороню, чисто серебро хороню“.
- Кн. Барклай-де-Толли . . . . . „Винять меня въ народѣ“.
- Г. Толстой . . . . . „Вспомни, вспомни, мой любезной, мою
прежнюю любовь!“
- Пестель . . . . . „Попаду-ли я въ Сибирь?“
- Г. Витгенштейнъ . . . . . „Исполненъ свѣтъ о мнѣ хвалою“.
- Кн. Куракинъ . . . . . „Я въ печали пребываю“.
- Кн. Лобановъ . . . . . „Перестань болтать пустое“.
- Г. Платовъ . . . . . „Ѣхалъ казакъ за Дунай“.
- Г. Ливенъ . . . . . „Счастье строить все на свѣтѣ“.
- Обрѣсковъ . . . . . „Ахъ! рано бы, морщины на лбу вамъ
быть моему“.
- Трошинскій . . . . . „Новый видъ возьметъ Россія — и
уврять труды мои“.
- Хоръ челобитчиковъ . . . . . „Деньги все превозмогаютъ!“
- Хоръ мартинистовъ . . . . . „Желанья наши совершились“.
- Хоръ купцовъ . . . . . „Ето умѣетъ жить обманомъ“.

ЧАСТЬ II.

Увертюра, пѣтая хоромъ комитета министровъ:

«О свидѣтели безгласны!»

- Г. Румянцовъ . . . . . „За что меня браните“.
 Г. Аракчеевъ . . . . . „Несчастливая наша доля —
 Никто насъ не любитъ“.
 Сперанскій . . . . . „Измѣнилъ — и признаюся“.
 Магницкій . . . . . „Ахъ гдѣ, ахъ гдѣ укрыться“.
 Пукаловъ . . . . . „Ахъ ты душенька, жена моя“.
 Чикаловъ (Чичаговъ?) . . . . . „Все на свѣтѣ презираю“.
 Г. Растопчинъ . . . . . „Мнѣ нельзя быть равнодушнымъ“.
 Нарышкинъ . . . . . „Ну, попался я несчастной“.
 Кн. Кутузовъ . . . . . „Хоть Москва въ рукахъ французовъ“.
 Новосильцовъ . . . . . „Что за чортъ, куда я переселился“.
 Гр. Панинъ . . . . . „Проходи несносно время“.
 Державинъ . . . . . „Пусть кто хочетъ писать оды“.
 Кикинъ . . . . . „Въ кошелекъ я твой влюбился, а по
 немъ люблю тебя“.
 Гр. Морковъ . . . . . „Перестань напрасно льститься“.
 Бирамъ . . . . . „Ты, батюшка, царевъ кабакъ“.

Сообщ. П. А. Шфремовъ.

Примѣчаніе. Приведенная «афиша» взята изъ рукописнаго сборника, писаннаго на толстой синей бумагѣ въ 4 д. и заключающаго въ себѣ изрядное число разныхъ шуточныхъ посланій, также одъ, разговоровъ, эниграммъ и проч. мелкихъ произведеній—Державина, Батюшкова, Мерзлякова, Воейкова, Измайловыхъ и разныхъ неизвѣстныхъ авторовъ. Большая часть вошедшихъ въ сборникъ произведеній давно уже напечатана, но всѣ они, въ свое время, ходили во множествѣ списковъ, судя по тому, что зачастую попадаются въ разныхъ сборникахъ первыхъ двухъ десятировъ лѣтъ текущаго столѣтія. «Афиша о концертѣ» также достаточно извѣстна; объ этой невинной, но нелишенной остроумія и занимательности шутки—есть, между прочимъ, упоминаніе въ запискахъ М. А. Дмитріева: «Мелочи изъ запаса моей памяти» (изд. 1869 г. Москва, стр. 144). Авторъ «Мелочей» приводитъ нѣсколько строкъ изъ «Концерта», но по другому противу нашего списка. Такъ, напр., гр. Аракчеевъ поетъ:

Вы раздайтесь, разступитесь,

Добрые люди!

Министръ финансовъ Гурьевъ:

«Ахъ ты батюшка, царевъ кабакъ!»

Статсъ-секретарь Шинкевъ:

«Ахъ тошно мнѣ

На чужой сторонѣ!»

Приведа эти строки и тѣже пѣсни—про государственный совѣтъ, Дмитріева и Балашова, какія приведены и въ нашемъ спискѣ «афиши», авторъ «Мело-

чей» замѣчаетъ: «Другихъ не помню, но всѣ пѣсни были выбраны очень кстатн и очень забавно. Тогда это было ничего, одна шутка и сами осмѣянные смѣялись».

Обращаясь къ приведенному нами, какъ можно думать, совершенно полному списку по рукописи П. А. Ефремова, необходимо замѣтить, что время сочиненія «афиши о концертѣ», по крайней мѣрѣ первой ея редакціи, безошибочно можно отнести къ концу 1812 года; затѣмъ, хода по рукамъ, «афиша» дополнялась и измѣнялась до двадцатыхъ годовъ.

Вотъ справка о нѣкоторыхъ «участникахъ» въ «концертѣ» въ томъ порядкѣ, какъ они названы въ афишѣ: Князь Николай Ивановичъ Салтыковъ—предсѣдатель государственнаго совѣта съ 29 марта 1812 г., † 1816 г.—Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, членъ госуд. сов. 1810 г., уволенъ въ 1814 году, † 1837 г.—Гурьевъ, гр. Дмитрій Александровичъ † 1825 г.—Допухинъ, кн. Петръ Васильевичъ † 1827 г.—Горчаковъ, кн. Алексѣй Ивановичъ, членъ госуд. совѣта 1815 г., † 1817 г.—Голицынъ, кн. Александръ Николаевичъ, членъ госуд. сов. 1810 † 1844 г.—Балашовъ, Александръ Дмитріевичъ, членъ гос. сов. съ 1810 г., былъ министромъ полиціи, † 1837 г.—Барклай-де-Толли, князь Михаилъ Богдановичъ, † 1818 г.—Толстой, графъ Петръ Александровичъ † 1844 г.—Пестель, Иванъ Борисовичъ, членъ госуд. сов. съ февраля 1816 г., извѣстный генералъ-губернаторъ Сибири.—Витгенштейнъ, Петръ Христіановичъ, членъ госуд. совѣта 1818 г., † 1843 г.—Лобановъ-Ростовскій, кн. Яковъ Ивановичъ, членъ госуд. сов. съ февраля 1816 г. † 1831 г.—Куракинъ, кн. Александръ Борисовичъ † 1818 г.—Ливенъ, графъ, потомъ князь Карлъ Андреевичъ, членъ госуд. сов. 1826 г. † 1844 г.—Трошинскій, Дмитрій Прокофьевичъ, членъ госуд. совѣта съ 1814 г., уволенъ 1817 г., † 1829 г.—Румянцовъ, гр. Николай Петровичъ, бывшій первымъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта, † 1826 г.—Сперанскій, Михаилъ Михайловичъ † 1839 г.—Магницкій, Михаилъ Леонтьевичъ, статсъ-секретарь д-та законовъ 1810 г., уволенъ 1812 г., извѣстный впоследствии обскурантъ и изуверъ.—Пукаловъ, мужъ Варвары Петровны Пукаловой, любовницы гр. Аракчеева.—Растопчинъ, гр. Фѣдоръ Васильевичъ, членъ госуд. сов. 1814 г., увол. 1823 г. † 1826 г.—Голенищевъ-Кутузовъ, кн. Михаилъ Илларионовичъ † 1813 г.—Новосильдовъ, Николай Николаевичъ † 1838 г.—Морковъ, гр. Аркадій Ивановичъ, членъ госуд. сов. 1821 г. † 1827 г. Большинство «участниковъ въ концертѣ»—члены государственнаго совѣта; нѣкоторые, впрочемъ, лица во время сочиненія «афиши» не были еще въ совѣтѣ, но либо занимали министерскіе посты, либо вообще играли почему-либо видную роль въ общественной жизни того времени, почему и попали въ программу концерта съ аріей, заключающей намекъ на характеръ, умъ, способности, либо на дѣятельность помянутаго солиста.

Не лишнее замѣтить, что списки напечатанной нами «афиши» настолько распространены, что даже вызвали въ концѣ 1850 и въ началѣ 1860 гг. подражанія, прѣ чемъ, разумѣется, участниками «концерта» явились дѣтели уже нашего времени.

Ред.

Посланіе къ галламъ, по случаю восшествія на тронъ Наполеона III

(1852)

Народъ, смѣявшійся надъ всѣмъ, безъ исключенья,

Какъ ты, въ нашъ вѣкъ, смѣшно упалъ.

Къ чему вели тебя всѣ бунты и волненья?

Ты изъ огня, да въ полымя попал!

Гдѣ-жъ эта спорная, несчастная свобода?

Изъ-за чего свою вы проливали кровь?

Гдѣ братство, равенство, права народа,

Гдѣ ваша къ вольности любовь?

Теперь вы новому властителю такъ рады...

Вы головы предъ нимъ рѣшились преклонить...

За чѣмъ же строили вы ваши баррикады?

За чѣмъ же огородъ вамъ было городить?...

Снимайте-жъ волнаки!... долой игрушки эти...

Да, правду-матку говоря:

Вы не сыны отечества, а дѣти;

Лягушки вы, просящія цари!

Король Филиппъ чурбаномъ вамъ казался,

Прогнали вы его, не въ добрый часъ,

Теперь, на оборотъ, такой вамъ гусь попался.

Что цаплей сдѣлался для васъ...

А вы всѣ съежились, свои хвосты поджали;

Склеили для него опять разбитый тронъ;

И рабобѣно закричали:

«Да здравствуетъ Наполеонъ!»

Кричите громче... Бѣсноваться,

Не въ первый разъ французамъ безъ пути...

Наполеона вамъ втораго не дождаться,

А съ третьимъ вамъ недалеко уйти!

1852.

П. А. Каратыгинъ.

Примѣчаніе. Помѣщенное выше «Посланіе» принадлежитъ перу—извѣстнаго артиста Петра Андреевича Каратыгина. Обойдя въ 1852 году всю Россію, оно нѣсколько лѣтъ спустя, изъ массы рукописной запретной литературы вынырнуло въ печать въ одномъ изъ заграничныхъ сборниковъ. Печатаемъ стихотвореніе съ подлинника сообщеннаго самимъ авторомъ. Въ 1852 году оно съ одобреніемъ было прочитано императоромъ Николаемъ Павловичемъ, а въ 1871 году, это же стихотвореніе любопытно какъ предвѣднiе русскаго человека о судьбѣ, какую уготовала себѣ Франція сплотивши тронъ Наполеону III. Ред.